

ВОЙНА И МЫ

АРТЕМ ДРАБКИН

За нашу
Советскую Родину!

Я ДРАЛСЯ НА Т-34 ТРЕТЬЯ КНИГА

Артем Владимирович Драбкин

Я дрался на Т-34. Третья книга

Серия «Война и мы»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12160245

*Артем Драбкин Я дрался на Т-34. Третья книга: Яуза-пресс; Москва;
2015*

ISBN 978-5-9955-0820-5

Аннотация

НОВАЯ КНИГА ведущего военного историка. Продолжение супербестселлеров, разошедшихся суммарным тиражом более 100 тысяч экземпляров. Воспоминания советских танкистов, воевавших на легендарном Т-34.

«Только я успел крикнуть: «Пушка справа!», как болванка пробила броню. Старшего лейтенанта разорвало на части, и вся кровь с него, оторванные куски тела... все это на меня! Мне достался в ногу мелкий осколок от брони, который я потом сам смог вытащить, а механику-водителю осколок попал в плечо. Но танк еще оставался на ходу, и тот, одной рукой переключая рычаг скоростей, вывел «тридцатьчетверку» из-под огня...»

«Я принял решение контратаковать с фланга прорвавшиеся немецкие танки. Сам сел на место наводчика. Расстояние до них было метров четыреста, да к тому же они шли бортами ко мне, и я

быстро поджег два танка и два самоходных орудия. Брешь в нашей обороне была ликвидирована, положение стабилизировалось...»

«В бою за село Теплое прямым попаданием снаряда заклинило ведущее колесо одного из атакующих «Тигров». Экипаж бросил фактически исправный новейший танк. Командир корпуса поставил нам задачу вытащить «Тигр» в распоряжение наших войск. Быстро создали группу из двух танков, отделения разведчиков, саперов и автоматчиков. Ночью двинулись к «Тигру». Артиллерия вела беспокоящий огонь по немцам, чтобы скрыть лязг гусениц «тридцатьчетверок». Подошли к танку. Коробка стояла на низкой передаче. Попытки переключить ее не удалось. Подцепили «Тигр» тросами, но они лопнули. Рев танковых двигателей на полных оборотах разбудил немцев, и они открыли огонь. Но мы уже накинули на крюки четыре троса и потихоньку двумя танками потащили «Тигр» к нашим позициям...»

Содержание

Кошечкин Борис Кузьмич	6
Крят Виктор Михайлович	27
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Артем Драбкин

Я дрался на Т-34

© Драбкин А., 2015

© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2015

Кошечкин Борис Кузьмич

(Интервью Артема Драбкина)

Я родился в селе Бекетовка под Ульяновском в 1921 году. Мать колхозница, отец преподавал физкультуру в школе. Он был прапорщиком в царской армии, оканчивал Казанскую школу прапорщиков. Нас было семеро детей. Я второй. Старший брат был инженер-атомщик. Три года на станции в Мелекесе (Димитровград) поработал и отправился на тот свет. Я в своем селе окончил семь классов, а потом пошел в Ульяновский индустриально-педагогический техникум, который окончил с отличием. Поступил в педагогический институт, по окончании которого меня загнали преподавателем в школу, в глухомань – в село Новое Погорелово. Туда ворон костей не носил. И вот я приехал в эту школу. Учителя молодые, завуч школы тоже еще не старый. Учительский состав культурный, дружный. Детишек много. Я вел начальные классы. Зарплата маленькая – 193 рубля 50 копеек, а мне 10 рублей надо платить за угол и пустые щи хозяйке. Я покрутился, покрутился и наконец завербовался и уехал в Хабаровск слесарем. Тут я уже смог не только себя кормить, но и матери высылал по 200–300 рублей в месяц. Там еще так получилось: директор завода Федор Михайлович Карякин или Куракин, забыл его фамилию, – солидный дядька лет 55 – оказался моим земляком. Видимо, он заинтересовался, что это за слесарь с высшим образованием у него работает. Смотрю, идет начальник, а рядом с ним помощник,

молодой парень, все записывает что-то. Он ко мне подходит, а я отверстия в кронштейне сверлю на станке.

– Здравствуйте.

Я говорю:

– Здравствуйте.

– Так как же вы попали сюда с высшим-то образованием?

– Как попал?! В семье семь человек, я второй. Живем плохо, в колхозах на трудовень дают по 100 грамм зерна. Нищенствуем. Вот я вынужден был завербоваться и уехать. Вот мой друг из села – Витя Похомов, хороший парень, он потом погиб под Москвой – работает кочегаром в 6-м паросиловом цехе. Он зарабатывает по 3000, а я еле 500 зарабатываю. Наряды лучшие отдают опытным, а я неопытный. Образование есть, а опыта нет. Я к Вите хочу перейти.

– Хорошо, мы рассмотрим ваше пожелание.

На второй день ко мне подходят, говорят: «Идите к Леванову, начальнику 6-го цеха. Вас туда перевели кочегаром». Уже это, денежки будут, понимаете?! Там я поработал. Можно сказать, в парной. В котельной стояли два шуховских котла размером девять на пять метров. Нам по телефону командовали: «Дать больше горячей воды! Дать газу!» У нас помимо котлов еще газогенератор стоял. Туда карбид кальция засыпали и водой заливали. Выделялся ацетилен.

В общем, попал я в рабочий класс. А знаете, что это такое – рабочий класс? Как получка, они все собираются в общестии за длинными столами на дощатых скамейках. Руками

потирают – сейчас мы ого-го! По стакану врезали, уже языки развязались, и начинают что-то по службе говорить:

– Вот я резьбу делаю... правая... а у тебя левая. Что-то не то... Ты врешь... Ты сам ничего не знаешь... Ты сваривать не можешь! – Все! Начинается драка. Морды побили. На следующий день на работу все перевязанные идут. И так два раза в месяц.

Я смотрю: «Нет, я тут не мастер».

Стал по утрам я бегать в аэроклуб имени героев-летчиков-челюскинцев учиться на летчика, а после обеда у меня вечерняя смена, я после нее иногда в ночную останусь.

Утром встаю, кое-что покушал... Рыбы было много. Я очень любил сома. Дадут тебе здоровенный кусок с картошкой. Стоил он 45 копеек, а зарплата здоровая – от 2700 до 3500 рублей, в зависимости от того, сколько выдам пару и газа в систему. Все учитывалось! Даже расход угля.

Окончил аэроклуб с отличием. Тут вызывают меня в горком комсомола в Хабаровске:

– Мы решили вас направить в Ульяновское летное училище.

– Отлично! Это как раз моя родина.

Выписывают мне бумагу, билет дают, как генералу, поезд, сел и поехал. Ту-ту – Чита, ту-ту – Ухта, ту-ту – Иркутск, потом – Новосибирск. Пятнадцать суток ехал. Приехал – опоздал на занятия. Захожу к горвоенкому. Говорю: так и так, аэроклуб окончил, приехал, думал, что поступлю. Заходит

дежурный.

– Ну-ка, вызовите мне начальника строевого отдела.

Приходит.

– Скажите, где набор идет. У нас тут, видите, будущий воин хороший, аэроклуб окончил, а его не берут.

– В Казанском пехотном училище имени Верховного Совета Татарской АССР идет набор на первый курс.

– Вот, парень, туда пойдешь.

– Есть!

Выписывают мне направление. Сдал экзамены на «отлично». Попал в батальон майора Баранова. Курсантская норма хорошая, но все равно не хватает. Каждый где-то что-то доставал. Как-то я купил в магазине батон хлеба и иду в казарму. Навстречу командир соседнего батальона подполковник Устимов. Увидал меня, глаза свинцовые. Пальцем поманил:

– Идите сюда, товарищ курсант!

– Слушаю вас.

– Что у вас там?

– Батон, товарищ подполковник.

– Батон? Кладите его в лужу. Топчите!

Тут я взорвался. Все же голодовку 33-го года я пережил, а тут приказывают топтать хлеб!

– Какое вы имеете право давать такую команду – топтать хлеб?! Его, этот хлеб, собирают, кормят нас, а вы топтать?!

– Вы с какой роты?

– Я с восьмой.

– Доложите командиру роты Попову, что я приказал вас арестовать на пять суток.

Я пришел в роту. Доложил командиру взвода Шленкову, что подполковник с первого батальона мне пять суток дал вот за это, за то, за то. Он говорит:

– Ну что, отменить приказ не могу, давай ремень снимай, хлястик снимай, иди чисти туалет во дворе, посыпай хлоркой, мусор убирай.

Пять суток я отработал честно. Пишу жалобу начальнику политотдела училища полковнику Васильеву. А разозлился я очень сильно и в жалобе написал, что если он не примет меры, то я напишу командующему Приволжским военным округом. Ну, дело политическое, закрутилось. Вызывает меня и подполковника член Военного совета округа. Начал меня спрашивать. Я повторил всю историю. Он подполковника спрашивает:

– Вы давали это распоряжение?

– Так точно, товарищ генерал.

На меня:

– Выйдите!

Вышел. Как ему ЧВС дал там... Разжаловали и уволили из армии Устимова.

Учился я отлично. Был запевалой в роте, хорошо рисовал, играл на балалайке. Потом научился играть на аккордеоне, на пианино, хотел научиться на гитаре, но под рукой не было. Вот так жизнь пошла.

– Армия для вас была родной средой?

Я такой служака был, что вы! Дисциплинированный. Мне служба нравилась: все чистенькое, все тебе регулярно дают.

В конце 1940-го училище перепрофилировали в танковое. О! Мы эти проклятые ранцы, в которые командир взвода на марш-броски нам камней накладывал – выносливость вырабатывал, покидали. Старшина кричит:

– Не бросайте, это государственное имущество!

А мы рады, кидаемся ими. Начали изучать танк Т-26, бензиновый двигатель, хлоп-хлоп – пушка «сорокапятка». Знакомились с Т-28. Пригнали один Т-34. Он стоял, укрытый брезентом, в гараже. Около него всегда находился часовой. Поднял как-то командир взвода чехол:

– Вот видите, какой танк?! Таких танков товарищ Сталин приказал сделать тысячи!

И закрыл. Мы глаза вылупили! Тысячи сделать?! Значит, война скоро будет... Надо сказать, что ощущение, что война будет, было. У меня отец был хоть царский прапорщик, он всегда говорил: «Война с немцем будет обязательно».

Заканчиваем программу и в мае поехали в лагеря под Казань. Там были Каргопольские казармы, там учились когда-то немцы.

И вот, значит, началась война. Как раз послеобеденный сон был. Забежал дежурный по училищу: «Тревога! Сбор за горой». И вот всегда так – как послеобеденный сон, так тре-

вога. За горой там плац такой, скамеечки сделаны... Ну все, война.

19-й и 20-й годы служили в армии, а среди нас были 21, 22, 23 и 24-й. Вот из этих шести возрастов погибло 97 процентов хлопцев. Хлопцам бошки поотрывало, побили их, а девушки впустую гуляют. Понимаете, это трагедия была...

В 1942 году сдали экзамены. Выпустили кого младшими лейтенантами, кого – старшинами. Я и еще двенадцать человек сдали на лейтенанта. И нас подо Ржев. А там ад был. В Волге вода кроваво-красная была от погибших людей.

Наш Т-26 сгорел, но все живы остались. Болванка в двигатель попала. Потом нас перебросили в 13-ю гвардейскую орденов Ленина Краснознаменную танковую бригаду 4-го гвардейского Кантемировского ордена Ленина Краснознаменного танкового корпуса. Командиром корпуса был генерал-лейтенант Полубояров Федор Павлович. Он потом до маршала дослужился. А командиром бригады был полковник Бауков Леонид Иванович. Хороший командир. Очень девчат любил. Молодой, 34 года, а девчат вокруг навалом – телефонистки, радистки. И им тоже хочется. Штаб постоянно нес «потери», отправлял рожениц в тыл.

На Курской дуге нам пришли танки канадские – «Валентайны». Хорошая приземистая машина, но чертовски похожа на немецкий танк Т-3. Я уже взводом командовал.

На наших танках как? Вылезешь из люка и машешь флажками. Чепуха! А когда радиостанции появились, тут стали

воевать по-настоящему: «Федя, куда ты вылез, вперед давай!.. Петрович, догоняй его... За мной все». Вот тут уже нормально все пошло.

Так вот. Я надел немецкий комбинезон. Я обычно носил немецкий. Он более удобный. Когда надо в туалет сходить, сзади отстегнул, и все, а наш надо с плеч снимать. Все продумано было. Немцы, они вообще продуманные. Языком неплохо немецким владел – все же вырос среди немцев Поволжья. У нас учительница была настоящая немка. И на немца смахивал – русский. На своем танке нарисовал немецкие кресты и поехал. Пересек линию фронта, зашел в тыл к немцам. Там пушки с расчетами. Я две пушки придавил, вроде нечаянно. Мне немец орет:

– Куда ты прешься?!

Я ему:

– Шпрехен зе битте нихт зо шнель. – Мол, разговаривай не так быстро.

Потом подъехали к немецкой большой штабной машине. Механику Терентьеву говорю:

– Паша, сейчас прицепим эту машину.

Миша Митягин залазит в эту машину, ищет пистолет или что-нибудь пожрать. Я сижу на башне, пушку вот так ногами обнял, бутерброд уплетаю. Машину подцепили и поехали. Видимо, немцы заподозрили, что что-то тут не так. Как врезали из 88-миллиметровой пушки! Башню насквозь пробили! Если бы я сидел в танке, то капец мне. А так меня

только оглушило и из ушей кровь пошла, а Пашу Терентьева чуть только в плечо осколком задело. Притащили эту машину. Все глаза вылупили – башня пробита насквозь, а все живые. Наградили меня за это дело орденом Красной Звезды. В общем, на фронте я немного хулиганом был...

Я вам скажу так. Немцы тоже люди. Они жили лучше нас и жить хотели больше нас. Мы так: «Вперед!!! А-а!!! Давай, туда его, сюда!» Понимаете?! А немец, он осторожный, он думает, что у него там кляйне киндер остался, там все свое, родное, а тут его на советскую территорию завезли. На черта ему нужна война?! А нам-то чем под немцами жить, лучше погибнуть.

– За что были представлены к званию Героя Советского Союза?

Мне Черняховский лично поставил задачу выйти в тыл противника и перерезать дорогу от Тернополя на Збараж. Он еще говорил:

– Отсюда мы нажмем. А ты там встречай. Они будут отступать, ты их бей.

А я так еще смотрю на него и думаю: «Нажмем... Немец нас самих зажимает, а он их сам хочет зажать».

А он:

– Что так смотришь на меня? – спрашивает.

Я промолчал, конечно. Рота 18 танков уничтожила, 46 пушек и машин и до двух рот пехоты.

Член Военного совета фронта Крайнюков так написал в своей книжке: «Начиная с 9 марта наши войска вели напряженные бои с окруженной в Тернополе 12-тысячной группировкой врага. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, хотя ничто уже не могло их спасти.

Еще на первом этапе операции передовые подразделения 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса (командир – генерал П.П. Полубояров, начальник политотдела – полковник В.В. Жебраков), действовавшего в составе 60-й армии, искусным маневром захлестнули вокруг засевшего в Тернополе немецкого гарнизона стальную петлю. Танковая рота гвардии лейтенанта Бориса Кошечкина, находившаяся в разведке, первой достигла шоссе Збараж – Тернополь и атаковала вражескую колонну. Танкисты Б.К. Кошечкина уничтожили 50 автомашин, два бронетранспортера с прицепленными орудиями и много солдат противника. В огневом поединке гвардейцы подбили 6 фашистских танков и один сожгли.

Когда стемнело, командир роты поставил танки в укрытие, а сам, переодевшись в штатский костюм, пробрался к Тернополю и разведкал подступы к городу. Отыскав слабо защищенное место в обороне противника, коммунист Б.К. Кошечкин возглавил ночную атаку танков и одним из первых ворвался в город.

Доложив мне о ходе боев, об отважных и самоотверженных солдатах и офицерах, член Военного совета 60-й армии

генерал-майор В.М. Оленин сказал:

– Сегодня мы направляем Военному совету фронта документы об отличившихся в Тернополе бойцах и командирах, достойных присвоения звания Героя Советского Союза. Просим безотлагательно рассмотреть эти документы и препроводить их в Президиум Верховного Совета СССР.

В самом Тернополе я два танка сжег. А потом по мне как дали, я еле выскочил из танка. В танке, даже если снаряд противника лизнет, сделает рикошет, то в башне все эти гачки отлетают. Окалина в лицо, а гайкой и башку пробить может. Ну а если загорелся, открывая люк, быстрее выскакивай. Танк горит. Я такой – отряхнулся, бежать надо. Куда? В тыл к себе, куда...

– Что помогло выполнить задачу?

Во-первых, у меня хорошие хлопцы были. Во-вторых, я сам отлично стрелял из пушки. Первый, в крайнем случае второй снаряд всегда клал в цель. Ну и в карте я отлично разбирался. В основном у меня карты были немецкие. Потому что наши карты были с большими ошибками. Так что я только немецкой картой пользовался, которая всегда была за пазухой. Планшетку я не носил – мешает в танке.

– Как узнали, что присвоили звание?

В газетах приказы печатали. Такой был сабантуй... Меня заставили выпить. Первый раз пьяный был.

– В тот рейд под Тернополем вы пошли на Т-34. Как вам Т-34 по сравнению с «Валентайном»?

Никакого сравнения. «Валентайн» – это средний танк легкого пошива. Пушка стояла 40-миллиметровая. Снарядики к ней были только бронебойные, осколочных не было. Т-34 – это уже внушительный танк, и пушка там сначала 76-миллиметровая стояла, а потом нам поставили пушку Петрова, зенитную 85-миллиметровую, и дали ей подкалиберный снаряд. Мы тогда уже гарцевали – подкалиберный снаряд прошивал и «Тигра». Но у «Валентайна» броня более вязкая – при попадании снаряда осколков меньше дает, чем у Т-34.

– А по комфорту?

По комфорту? У них – как ресторан... Но нам же воевать надо...

– Вместе с танками приходили подарки, одежда?

Ничего не было. Только иногда, знаете, когда танки придут, пушку от смазки чистили, то там внутри находили бутылочки коньяка или виски. Так нам давали американские ботинки, консервы.

– Как с кормежкой на фронте было?

Мы не голодали. В роте был старшина Сарайкин, у которого была хозяйственная машина, кухня. Вообще-то она на

батальон положена, но у меня усиленная рота была: 11 танков, четыре самоходных установки и рота автоматчиков. Ну что, война есть война... Смотришь, поросенок бежит. Шпок его! На трансмиссию затащишь, а потом где-то там костер разведут. Отрезал от него кусок, на костре подпек – хорошо. Когда человек полуголодный, он злее становится. Он так и ищет кого-нибудь прибить.

– Водку давали?

Давали. Но я старшине Сарайкину приказывал, чтобы он командирам взводов Новосельцеву Павлу Леонтьевичу и Буженову Алексею Васильевичу, любителям выпить, водку не давал. Сказал им:

– Хлопцы, если, не дай бог, вам башку пьяным отобьют, что я должен вашим матерям писать? Геройски погиб пьяный? Поэтому пить будете только вечером.

Зимой 100 грамм, оно не влияет, но надо же и закуску. А где ее возьмешь? Она еще бежит, летает, ее надо прибить, потом пожарить. А где?

Такой еще случай помню – под Воронежем, в Старой Ягоде стояли. Танки закопали. Повар поставил закваску для щей между печкой и стеной, накрыл тряпкой. А мышей до черта было. Они полезли по этой тряпке и все – в закваску! Повар не посмотрел и сварил. Нам втемную дали, мы сожрали все и ушли, а Михалцов Василий Гаврилович, зампотех наш, интеллигентный такой, даже капризный, и его друг Сыпков Са-

ша, помощник начальника политотдела по комсомолу, пришли попозже. Сели завтракать. Им как навалили этих мышей. Сыпков шутит: «Смотри, какое мясо!» А Михалцова тошнить начало – очень брезгливый.

– Где ночевали?

Смотря какая погода – и в танке, и под танком. Если оборону держишь, так мы танк закопаем, а под ним такую траншею – с одной стороны гусеница и с другой. Десантный люк открываешь и туда спускаешься. Вшей покормили – ужас! Руку за пазуху засовываешь и вытаскиваешь гору. Вот соревновались, кто больше достанет. По 60, по 70 за раз доставали! Старались, конечно, их изводить. Прожаривали в бочках одежду.

Сейчас расскажу, как в академию поступал. Присвоили мне звание Героя весной 1944-го. Звезду Калинин мне вручал. Дали мне коробки, орденские книжки. Выхожу из Кремля – летаю! Молодой! 20 лет! Вышел из Спасских ворот, на встречу мне идет капитан Муравьев, маленький такой, глазки черненькие, – командир 7-й курсантской роты в училище. Моя была 8-я, ею Попов командовал, чтобы к нам попасть, через эту роту все время ходили. И вот я иду с этими наградами, а Муравьев такой:

– О! Борис! Поздравляю!

Я все же лейтенант – субординацию соблюдаю:

– Спасибо, товарищ капитан.

– Молодец! Куда сейчас?

– Куда?! На фронт.

– Слушай, война заканчивается, давай в академию! У тебя знания хорошие. Там как раз набор идет.

– Это ж надо направление из части.

– Ничего, я сейчас адъютантом у генерал-полковника Бирюкова, члена Военного совета бронетанковых войск, служу. Жди меня. Сейчас выпишу.

А я уже навоевался... вот так навоевался! Я устал. Да и война к концу... Мы пошли к нему. Он все написал, пошел к своему шефу, печать поставил:

– Езжай, сдавай экзамены.

Я все сдал на «отлично». Литературу принимал профессор Покровский. Мне достался «Дядя Ваня» Чехова. А я его не читал и в театре не смотрел. Я говорю:

– Знаете, профессор, я билет не знаю, что хотите ставьте. Он смотрит – в ведомости одни пятерки.

– Вы чем увлекаетесь?

– Поэзию больше люблю.

– Расскажите мне что-нибудь. Поэму Пушкина «Братья-разбойники» можете?

– Разумеется! – Я ее как отчеканил!

– Сынок, ты меня удивил больше, чем Качалов! – Ставит мне пятерку с плюсом. – Иди.

Вот так меня приняли.

– За подбитые танки деньги давали вам? Должны были давать.

Ну, должны были... За сдачу гильз тоже было. А мы их выкидывали, гильзы. Когда идет обстрел, а тут тебя прижало, по-большому или по-малому в нее сделал и выкидываешь.

– С особистами не приходилось сталкиваться?

А как же! Под Воронежем стоим в селе Гнилуши – это колхоз Буденного. Танки закопали во дворах, замаскировали. Я уже говорил, что у меня заряжающим был Миша Митягин – хороший простой парнишка. Этот Миша пригласил девушку из того дома, у которого наш танк стоял, Любу Скрынникову. Она залезла в танк, и Миша ей показывает: «Вот тут я сижу, тут сидит командир, вот там механик».

Особистом у нас был Анохин – сволочь редкостная. То ли он сам увидел, то ли кто стуканул ему, только пристал он к Мише, что тот, мол, тайну военную выдает. Довел его до слез. Я спрашиваю:

– Миша, что такое?

– Да вот, Анохин пришел, сейчас судить будет.

Пришел Анохин, а я его матом:

– Если ты, такой-сякой, пойдешь ко мне, я тебя, гадина, раздавлю танком!

Он ретировался. Этот особист остался живой – ну им что за война? Ни черта не делали, только кляузы писали. После

войны я окончил академию, работал в училище. Меня загнали туда. Понимаете, если б я пошел по строевой, я давно бы уже был генерал-полковником, а то и генералом армии. А так: «Ты умный, у тебя академическое образование, у тебя высшее образование. Иди, учи других». Я уже был начальником училища, и тут звонок в дверь. Я открываю и вижу: стоят Кривошеин, начальник особого отдела бригады, и Анохин. Я как их матом покрыл и прогнал. Их никто не любил.

Комбатом у нас был майор Мороз Александр Николаевич. Хороший командир, из евреев. Настоящее имя и отчество у него было Абрам Наумович. Я скажу так. Евреи – они дружные. У нас, если не поделят власть или девчат, – уже драка и морды в крови. А они культурные. Я был потом директором завода в Киеве. У меня ювелирный цех был – одни евреи. Цех ремонта и изготовления счетно-вычислительной техники – тоже евреи. Работать с ними было легко. Культурные люди, грамотные. Никогда не подведут – ни руководство, ни сами себя.

Я взял одного по фамилии Дудкин в ювелирный цех, кольца делать. Забыл звать как. Он делал массивные обручальные кольца. Одна хозяйка, которой он кольцо сделал, ко мне пришла, ей нужно сделать из этого кольца два тонких. Даю там, кто на дежурстве был. Кольцо разрезали, а внутри медная проволока закатана. Оказалось – это Дудкин делал. Я его за воротник и в прокуратуру. Десять лет дали, все.

Они, конечно, хитрые. Начальник штаба батальона тоже

был еврей, Чемес Борис Ильич. Они друг друга понимали. Сбивают самолет. Все стреляли. Ну, кому там Красную Звезду? А этот Мороз, поскольку Борис Ильич Чемес свой начальник штаба бригады, орден Ленина получил.

– Они берегли личный состав?

Ну как же! В бригаде потери были относительно небольшие.

– ППЖ были у кого? Начиная с какого уровня?

От командира батальона. У ротного не было ППЖ. У нас в роте были не медицинские сестры, а медбрат. Из танка раненого танкиста девочка не вытащит.

– Награждали хорошо, как вы считаете?

Плоховато. Все зависит от того, какой у тебя командир. Вот я, по ветеранским делам, знаю одного полкового писаря. Ему командир по результатам операции приказывал на ротных и взводных заполнить наградные на ордена. Он под это дело себе пишет представление на медаль «За отвагу». Набрал этих медалей четыре штуки.

– Безлошадные танкисты что делали в тылу?

Мотались в резерве, пока не получают танк или не угрожают кого. Тогда на замену могут послать.

– Экипаж у вас один был или менялись?

Экипаж? Ну, пока я был командиром взвода-роты, один был экипаж. Когда стал командиром батальона, уже подобрал другой себе экипаж. Лучшего механика, грамотного радиста.

– Вы работы по танку вместе с экипажем выполняли?

А как же. Окопы вместе копали. Даже когда командиром батальона стал. А если буду стоять курить, правда, я не курил никогда... буду стоять, молчать, что ж я за командир? И пушку со всеми чистил.

– Самое трудное время – это какое?

Весна, распутица. Тяжелое время. Зимой легче воевать. С Шепетовки шли, надо было реку форсировать. Она замерзла. Вышел на лед, банником лед начал простучивать – пробил. Не пройдет танк, надо выше по течению. А там такой тонкий лед, что подо мной проломился. Еле спасся. Хорошо, что шест в руках был. Летом хорошо воевать, красота.

– Вы были ранены?

Да, в 1943-м в обе руки. Завезли меня в госпиталь в Тамбов. Он размещался на улице Карла Маркса в магазине-гастрономе. Поскольку у меня обе руки были ранены, кормили с ложечки. Руки стали заживать, я газету выпустил – рисовал

неплохо. Там была сестра медицинская – Лидия Акимовна Милованова. Она Сахновой, главному хирургу, говорит:

– Его надо задержать, пусть он нам газеты рисует.

А я это услышал, говорю:

– Нет, Лидочка, я должен идти на фронт.

Ну, сходил с ней в театр оперный через улицу. А там главным дирижером был капитан Шатров, автор музыки «На сопках Маньчжурии». Поцеловал ее, но не тронул. Ответственность! Она проводила меня на вокзал. Тепло было, а на ней такое синенькое платье в горошек... Вагоны все забиты – на фронт едут. На ступенях люди как виноград висят. Попрощались. Потом, когда в газетах про меня написали, она меня разыскала. А я ей написал: «Дорогая Лида, не могу ничего сделать. Живу в общежитии, пока не окончу академию, не может быть вопросов любви».

Крят Виктор Михайлович

(Интервью Артема Драбкина)

В 1939 году я окончил десятилетку и поступил в Одесский институт инженеров морского флота на судомеханический факультет, чему был страшно рад: во-первых, конкурс был 15 человек на место, во-вторых, я мечтал быть моряком, а судомеханический факультет готовил плавсостав. В сентябре 1939 года, когда Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война, прошла 4-я сессия Верховного Совета СССР, на которой был принят закон о всеобщей воинской обязанности. По нему лица со средним образованием призывались с 18-летнего возраста, а те, которые не имели среднего образования, призывались с 20-летнего возраста. Так вот, после принятия этого закона из 300 человек, принятых на первый курс, осталось человек 20, все ребята 1920–1921 годов рождения были призваны в армию.

Меня тоже призвали. Записали в команду моряков, но не отправляли, а ждали особого распоряжения. Из института меня отчислили, на работу не принимали – я же уже призван, только и жду команды: «В эшелон!» А распоряжения нет. Собралась нас команда одноклассников из пяти человек, они предложили: «Вить, поехали с нами!» Пошли в военкомат, а там без возражений меня в другую команду переписали. Я побежал на завод к отцу. Он тогда на заводе «Коммунар» работал. Сказал ему, что уезжаю, а вечером я уже был в эшелоне. А куда нас везли, мы, конечно, не знали. И только ко-

гда мы приехали в Москву, то поняли, куда мы едем. Уже началась Финская война, и везут нас под Ленинград. Доехали до Бологого, а потом повернули налево в Порхов, это такой маленький городок за Старой Русой. В нем стояла 13-я танковая бригада, которой командовал Баранов Виктор Ильич, получивший за войну в Испании звание Героя Советского Союза. Мы его так и называли – «Испанец». Вскоре после нашего прибытия бригада ушла на фронт, а на ее месте стали формировать 22-й запасной автобронетанковый полк, в котором ребят со средним образованием готовили на командиров танков, механиков-водителей и командиров орудий на трехбашенный Т-28.

Я мечтал стать механиком-водителем, а не командиром танка, так что попросил, чтобы меня направили во 2-й батальон, который как раз механиков-водителей готовил.

В процессе обучения несколько человек из нашего полка отобрали и направили на фронт, в 13-ю бригаду, чтобы вроде как нас обстрелять, чтобы мы почувствовали боевую обстановку. И вот мы прибыли в бригаду, тут ко мне один подходит и говорит:

- Ты можешь перегнать по льду машину?
- Могу.
- Давай.

Тут подходит мой командир танка младший сержант Прокопчук:

- Вить, ты куда?

– Вот попросили перегнать машину.

– Я тоже с тобой.

– Не надо, достаточно одного человека, мало ли что случится. Он пройдет, тогда вслед за ним будем перегонять оставшиеся танки.

В бригаде один батальон был на Т-26, а другой на БТ и несколько танков Т-37. Мы называли их «здравствуй и прощай». Он идет и кланяется.

Я сел за рычаги и поехал, разумеется, на первой передаче. Лед был присыпан снегом, но мороз стоял 40 градусов,

ничего не должно было произойти, а тут – буль! Танк носом провалился под лед. Я ничего не соображаю, давлую на газ... До сих пор помню, как танк наклонился и кромка льда пронеслась мимо меня. Хлынула вода, и я потерял сознание. А мой командир танка... Нам всегда говорили на политзанятиях суворовский девиз: «Сам погибай, а товарища выручай!» А для танкистов это вообще обязательно, потому что экипаж – это семья. Но только после этого эпизода я понял, насколько это важно! Командир танка Прокопчук разделся, его быстро обмазали солидолом, чтобы в ледяной воде не замерз, и он полез за мной – глубина-то была небольшая. Нырнул, освободил мое сиденье и за воротник вытащил меня наверх. Но об этом я, естественно, узнал, только придя в себя.

Я очнулся, когда меня шесть медсестер растирали в санитарной палатке. Я, 18-летний парень, лежу голый под руками девушек. Я невольно прикрыл свой срам. А одна говорит: – Смотри, он ожил! Нашел что закрывать!

Оба мы живы остались, но схватили двустороннее крупозное воспаление легких. Дело было в марте, дня за три-четыре до перемирия, а пролежали мы с ним примерно полтора месяца, до самого мая. Потом нам, как пострадавшим на фронте, дали по 30 суток отпуска.

Я приехал домой, а меня никто не ждет! Я не сообщил, что в отпуск еду, и тут приезжает солдатик, не в защитной форме, а в красивой серо-стальной. Мы ею очень гордились.

Отгулял, вернулся обратно в часть, и нас всех направили в

лагерь, недалеко от Пулковских высот. Пробыли в лагере месяца два-три, а потом нас стали разбрасывать по частям. Так я попал механиком-водителем танкетки Т-37 в 177-й отдельный разведывательный батальон 163-й моторизованной дивизии 1-го механизированного корпуса, находившийся под Псковом. Во время войны такие батальоны стали мотоциклетными называть. В нем была танковая рота – 17 танков БТ и Т-37.

Т-37 – это маленький такой танк. Экипаж из двух человек. Трансмиссия и двигатель от ГАЗ-АА, а толщина брони максимально 16 мм. Но для разведки он вполне подходил. В батальоне была еще бронерота, в которой были бронеавтомобили БА-10 с 45-мм пушкой и более-менее солидной броней и БА-20 – вроде «эмки», только с пулеметом. Мы его так и называли: «бронированная эмка». Кроме того, была мотоциклетная рота – 120–150 мотоциклов АМ-600.

В мае 1941-го мы выехали в лагерь, а утром 22 июня: «Тревога!» Сначала нас по тревоге бросили под Ленинград. Мы все удивлялись, куда идем? Оказывается, наш 1-й мехкорпус перебрасывался на Карельский перешеек. Мы сосредоточились в Гатчине, а 3-я танковая дивизия была переведена севернее Ленинграда. А потом пришел приказ, и нашу 163-ю дивизию вернули обратно к Пскову. Прошли его, вышли на Остров. У Острова перешли бывшую государственную границу с Латвией, прошли Резекне и числа 30 июня, под Шауляем, столкнулись с немцами.

Пока шли к фронту, повсюду орудейные выстрелы слышались. Наш разведбатальон впереди дивизии. Тут нас останавливают, говорят: «Впереди немцы!» Комбат пригласил командиров взводов на совещание, а мы у танка сидим, разговариваем. И вдруг стрельба, снаряды рвутся. Немцы! Мы по танкам, а нас заперли – местность болотистая, да еще дождь прошел, мы ни туда ни сюда. Мне командир кричит:

– Влево, сходи с дороги в лес!

А я вижу, как снаряд – дзинь! – ударился об землю, подскочил и всем своим телом ударился о броню. Такой удар! Но ничего не пробил.

У меня мандраж! Я разворачиваю танк, и вдруг удар.

Командир кричит:

– Прыгай!

А у меня реакция замедленная, ничего не понимаю. Но, наконец, вылез из танка – и в кювет.

Ползу. Посмотрел назад – мой танк горит. Снаряд в моторное отделение попал. У танкистов только револьверы были, но мы на всякий случай получили винтовки и положили их на гусеничную полку.

Командир кричит:

– Давай за винтовкой!

Я вернулся обратно к танку, а винтовки уже обгорели. Кругом стрельба, по шоссе немецкие мотоциклисты идут. Нас, танкистов, человек шесть собралось, и мы пошли по лесу. Выбрались.

Идем на восток, уже смеркается, видим – машина грузовая идет. Мы сначала начали кричать, думали, что наши, а это немецкая была, мы уже позже сообразили – она же в камуфляже, а у нас таких не было. Вдруг из машины в нашу сторону полетела граната! Мы автоматически упали. Я помню, как она летела и от запала искорки отлетали, как маленький фейерверк.

Я увидел, как она упала и взорвалась. Никого не задело. Колька Карчев – запевала наш, у него изумительный тенор был – кричит:

– По кузову!

Окрыли стрельбу, а в ответ тишина. Мы начали кричать – молчание. Подошли, никого нет, мотор работает, машина завязла, а в ней всякие мешки с продуктами, обмундированием и другое интендантское барахло. Мы бросили мешки под колеса, вытолкнули машину, сели в нее и поехали. Так и приехали к нам в батальон. Как мы на него вышли, не зная обстановки, до сих пор не понимаю. Но приехали точно в расположение.

После этого мотоциклисты и мы, танкисты, что без танков остались, начали воевать по-пешему. Мы ездили на машинах или на броневике (там спереди такие крылья, и мы ложились – один на одно крыло, другой на второе с винтовкой) в разведку.

Был еще один бой, пехотный. Дивизия ударила по немцам, они вроде как отошли, но на самом деле просто обошли

наши позиции, да еще сзади десант выбросили – перекрыли дорогу на Остров. Дивизия хотела вернуться на свои зимние квартиры, но ничего не вышло. Так вот я удивился пехотинцам: они плюх – и отползают, а поднимаются уже в другом месте, а нас-то этому не учили! Мы плюх – и с этого же места поднимаемся, а немцы по этому месту лупят. Я так и не понял, почему нам не давали такую общую подготовку? Она нужна всем, надо знать, как воевать по-пехотному!

Вышли из окружения в районе Опочки. Командовал нами начальник бронетанковой службы дивизии. Он организовал вокруг себя человек 20 танкистов, так мы и шли... Мы по болотам, а немцы по дорогам.

Вышли на переправу через какую-то речку, там Т-26 нашего 25-го танкового полка обороняли подходы. Отбивались от самолетов счетверенными «максимами», ну еще из винтовок стреляли, больше никаких зенитных средств не было. Немцы летали на высоте максимум 200–600 метров, а пикирующие Ю-87, Ю-88 ходили по головам. Как только начинается утро, если солнце – мы будем под авиацией. И вот летит орда, самолетов 30–50, и все бросают бомбы. Они сыплются... Страшно! Не дай бог попасть под бомбежки немецкой авиации... Только в конце июля – начале августа появились МиГ-3. Они хорошо дрались. Наши «ишачки» И-15, И-16, они маневренные, но «мессера» их били беспощадно.

Вышли к своим. Мы к тому времени повыбрасывали противогазы, понабивали противогазные сумки сухарями, гра-

натами, патронами – всем вперемишку. Но главное – мы остались все равно танкистами. Темно-синие комбинезоны пришлось снять, а танкошлемы мы оставили. Для маскировки ломали ветки и прикрывали их. Потом отходили, отходили. Были и панические настроения. Помню, Колька, когда попали в окружение, говорит:

– Ребята, давайте сдадимся в плен, а потом удерем.

– Тебе так и дадут удрать. И вообще, как это сдаться в плен?! Ты что, Коля, очумел?!

– Жизнь сохраним. А потом будем их долбать.

– Они тебя уничтожат, и все.

У многих появилось психологическое безразличие. Помню, мы вошли в тыл к немцам. Ну и напали на колонну наших пленных километрах в двадцати от линии фронта. Длинная колонна, примерно из 1000 человек, а охраняли их человек десять – мотоцикл впереди, мотоцикл сзади. Мы напали, перебили охрану. Ребятам показали направление, по которому мы шли, по болотам, немцы же в 1941 году не сходили с дорог, они боялись лесов, болот, а мы только по лесам и болотам ходили. Указали дорогу, а пленные уселись и не тронулись с места! Человек сто только пошло... И все же большинство верило – научимся воевать. И еще мы понимали: для того, чтобы остановить отступление, нужно сломить ту психологию, которая появилась.

Вот пример – мы, разведчики, занимали оборону на флангах, чтобы прикрыть штаб дивизии. Мы роем окопы, зани-

маем оборону, а смотрим не вперед, а назад – куда мы будем бежать, когда подойдут немцы. Так было...

Мы понимали, что не остановим отступление до тех пор, пока не подойдут новые соединения, те, которые не привыкли отступать. Под Ржевом я видел, как два наших КВ дрались против 30 немецких танков. По ним лупят – ничего, а они их долбали тараном. Когда мы поближе подошли, сколько же на них вмятин было... Тогда их никакая противотанковая артиллерия не могла взять, не было у немцев таких снарядов. Да и мы по-настоящему бились. Штаб гренадерской дивизии разгромили. Нас 25 человек напало на них ночью. Это для меня была наука – ни в коем случае не снимать обмундирование во время сна: немцы выскакивали в белом белье, и мы их щелкали. Вообще, из нас тогда группу глубинной дивизионной разведки сформировали. В этой группе человек тридцать было. Иногда всю группу посылали, иногда человек 5–6 для наблюдения, сколько прошло машин, танков. Переносных раций у нас тогда не было. Вообще, рации были только в батальоне, а в танке – у командира роты, а так связь осуществлялась посыльными, а связь между танками – флажками. Я тогда говорил: «Ребята, будь у нас радиостанции...» А в 1943-м понял, что, будь у нас радиостанции, мы бы все равно радиомолчание хранили, чтобы нас не запеленговали...

Наша дивизия тогда на Северо-Западном направлении воевала, им маршал Кулик командовал. С ним тогда такой случай был – он в окружение попал и пропал. Из разведчиков

отобрали добровольцев, сколотили группы по пять человек – должны найти маршала. Мы десять дней ходили, искали. Нашли! Но не наша группа, другая, а с нашего батальона не вернулось три группы – попали к немцам.

А потом немцы ударили со стороны озера Ильмень и со стороны Демянска и окружили 8, 11, 27 и 34-ю армии. Начали выходить из окружения... но на востоке они организовали заслон, стянув туда танки и артиллерию. Ночью со всех сторон по кольцу окружения – ракеты, такое ощущение, что мы со всех сторон окружены и нам не выбраться. Но мы, разведчики, тыкались, тыкались и обнаружили, что на западе почти никого нет, только мелкие подразделения, сигнальщики. Тогда сгруппировали всю артиллерию на востоке, открыли огонь, а сами пошли на запад, потом повернули южнее Демянска на юг, а потом уже на восток. Так почти без потерь вышли.

Ожесточенные бои на Северо-Западном фронте продолжались, но меня это уже не касалось. Оказывается, Сталин отдал приказ, что всех специалистов различных родов войск, которые воюют в составе стрелковых частей и подразделений, вернуть в тыл для изучения новой техники и укомплектования своих частей.

Нас, кто остался в живых – артиллеристов, танкистов, летчиков, собрали, посадили в два пульмановских вагона, прицепили к товарняку, назначили старшего, дали нам на пять дней сухой паек и повезли в тыл. Приехали в Вологду. И тут

был один случай. Я был дежурным по тормозной площадке. Пролетели самолеты, впереди разрывы. Наш паровоз остановился. Потом подъехала дрезина, и начальнику эшелона объясняют, что разбомбили поезд, который шел на фронт. Нужно растащить вагоны. Они горят, а в них боеприпасы: «Вы фронтовики, вы обстрелянные, а стрелочники боятся работать». Мы подъехали к поезду – действительно горят вагоны. Нам показали, как отцеплять. Отцепили, растащили вагоны. А там, кроме боеприпасов, еще и вагон с водкой был. Мы набрали горелой водки, выпили – не понравилось. И тут ребята нашли антифриз. Танкисты знали три вида антифриза: водоспиртовая смесь, водоспиртовая глицериновая смесь и этиленгликоль. Водоспиртовой антифриз мы всегда пили. Ребята попробовали – сладкий, как ром. В результате набрали антифриза, сами выпили и в вагон притащили. А я не знал. Тут ко мне ребята подбегают:

– Витька, ребята, Колька Рачков, Колька Корчев, умирают!

– Как умирают?!

Подбежали. Их рвет, катаются, кричат. Я знал, что отравления лечат молоком. Это как протвоядие... Нас срочно подцепили и привезли в Ярославль. В Ярославле их сгрузили, 17 человек. Какова их судьба, я так и не знаю. А потом выпустили приказ о том, что, не разобравшись, пьют технические жидкости, которые приводят к отравлениям и гибели. Этот приказ зачитали нам, танкистам.

Наконец мы прибыли в Горький, где находился 15-й учебный танковый полк, готовивший механиков-водителей на Т-34, а я попал в соседний, в котором готовили механиков-водителей и экипажи на КВ. Я был комсомольским вожаком, да еще вдобавок рисовал, и меня решили оставить в штате. Я говорю, не хочу – хочу на фронт. Тем не менее меня назначили младшим механиком-водителем, потому что механик-водитель КВ – офицер, техник-лейтенант. И вот со мной такой случай был. Вывели наши танки на полигон для стрельбы. А танк новый, я его облазил, изучая, заглянул во все дырки. Заглянул в дырку, где прицел. Мне: «Не мешай». Я обошел танк и заглядываю в дырку, где пулемет. Заглянул, и, только я поднял голову, в это время очередь из пулемета! Они же меня не видели. И тут до меня дошло: «Меня же чуть не убили!» Я потерял сознание и свалился с танка. Командир танка это увидел и приказал: «К танку не допускать!» Меня назначили поваром. Я им борщи, кулеши готовил, а потом и говорю:

– Я же механик-водитель.

– К танку не допускать, пока не придешь в себя после этой тупости.

Но потом все-таки начали меня готовить на механика-водителя. Натаскали хорошо, сдал на механика-водителя третьего класса танка КВ, но на должность не назначили – как был младшим механиком, так и остался. И потом вдруг пришел приказ набрать курсантов в Казанскую танко-техниче-

скую школу, которая готовила танкистов на иностранные марки, мы там «Валентайн», «Матильду» изучали... В основном готовили на «Валентайн». Выучился и попал с ним под Прохоровку в 170-ю танковую бригаду 18-го танкового корпуса, зампотехом роты. Там на базе МТС организовали починку танков, ремонтниками были пацаны с МТС, а мы руководили ими – вроде инженеров по ремонту. В бригаде были и «Валентайны», и Т-34. Я сперва на «Валентайне» был, а потом перешел на Т-34.

– Как вам «Валентайн»?

По-разному. Были бензиновые, английские – их мы не любили. На нем стояла слабая 45-мм пушка. А вот на танках канадского производства и «Дженерал моторс» 57-мм пушка стояла. Она хорошо пробивала броню и могла бороться с немецкими танками. Опять же, у английских бензин – они горели, а канадские – дизельные и очень хитро устроены были. У них топливные баки были в полу, так что попасть в них было почти невозможно. В то же время запчастей для них практически не было. Приходилось брать запчасти с подбитых танков. Помню, после форсирования Днепра сделал пять «Валентайнов» из десяти. Остальные пошли на запчасти. Составили дефектную ведомость: какие сняты детали, какие танки ушли на разборку. Я ее предоставил в штаб батальона, а оттуда в штаб бригады. В бригаде их списывают. За восстановление танков на Днепре мне дали орден Крас-

ной Звезды.

Еще одна особенность – они были очень ремонтпригодные. А какой у них дизель замечательный! Очень тихий, очень экономичный и удобный в эксплуатации. Единственный недостаток – он тихоходный. Максимальная скорость – 28 километров в час. Ну и очень были капризные бортовые фрикционы – все время их нужно было регулировать.

Кроме «Валентайнов» у нас были еще «Матильды». Их не любили. Помимо всего прочего, в боекомплекте были только болванки, осколочно-фугасных не было, а для борьбы с пехотой был только пулемет.

– Вам удалось поездить на «Пантере»?

Да, она очень легкая в управлении, но ремонтировать невозможно. У них стояли 8-вальные коробки передач по 16 скоростей. Планетарная механика поворота – тоже сложная в ремонте. Немцам приходилось танки для ремонта в Германию отправлять, а мы текущий ремонт силами экипажей организовывали. У нас в батальоне была летучка типа А. Так мы с ее помощью слезки делали для коробки передач или для бортовых фрикционов! А что говорить о бригаде РТО?! Там были и машины с фрезерным станком, летучка типа Б, токарный станок, походное зарядное устройство для аккумуляторов, все необходимое для ремонта электрооборудования машин, кузнечная летучка – у нас было все для ремонта! Подвижная танкоремонтная база в корпусе была. Они уже мог-

ли капремонт делать, а уж про фронтовой подвижный танко-агрегатный ремонтный завод я и не говорю. Так что мы если отправляли танк на завод, то только на переплавку.

Под Яссами был ранен, попал в госпиталь. После госпиталя начал догонять свой корпус. По дороге я заболел малярией, и меня отправили в медсанбат. Там жена заместителя начальника разведотдела корпуса служила, говорит: «Витя, ты полежи». Когда немного поправился, приехал замначальника разведотдела корпуса, говорит: «Должностей нет, давай в разведку зампотехом». В разведбате была танковая, мотоциклетная и бронетранспортная роты, и я сперва попал зампотехом в мотоциклетную роту.

18-й танковый корпус в то время входил в состав 6-й танковой армии, которая практически вся на иностранных танках была. Там ребята были, с которыми я в Казани учился, они меня знали – я вратарем футбольной команды был, чемпионом училища по фехтованию. На танках 6-й армии вошел в Бухарест, дошел до Болгарии, а потом нашу армию развернули в Трансильванию. Форсировали Тису.

Потом наш корпус вывели из состава 2-го Украинского фронта и перевели в состав 3-го Украинского. Из мотоциклетной роты меня перевели в бронетранспортерную роту, но я же танкист! Там я был мало, но успел получить из 4-го мехкорпуса бронетранспортеры М-17 и бронеавтомобили (4-й мехкорпус в другое место переводился, и там они должны были получить другую технику, так что он технику оставлял,

а людей перекидывал). Потом меня наконец-то перевели в танковую роту на Т-34 того же разведбата. В ней я провоевал почти до конца войны. Вдруг мне говорят: «Витька, давай на батальон трофейных «Пантер». Хорошо. Надо сказать, что «Пантеры» в атаку не бросали – их свои бы побили. А вот заткнуть дыры, в засаду поставить, прикрыть фланг – это их задача. Фактически этот батальон выполнял функции охраны штаба корпуса. «Пантеры» были перекрашены в обычный наш зеленый цвет, на башне была большая красная звезда с окантовкой и еще красный флажок.

Ранений у меня больше не было, но было ДТП. Я ехал на своем мотоцикле «БМВ» с коляской, в которой сидел ординарец. По дороге вели колонну пленных мадьяр. Они расступились, а тут мне навстречу «ЗИС-5» с боеприпасами. Он меня крылом как рубанет по левому борту, мотоцикл вдребезги, а у меня выбита коленка. Мне вставили чашечку на место, перевязали, но мотоцикл пришлось бросить.

Вскоре меня с трофейных танков вернули на должность зампотеха танковой роты разведбатальона. От Вены наш разведбат пошел в наступление в полном составе, обычно-то мы группками действовали. Разведгруппа – один-три танка, пара бронетранспортеров или броневики и пять мотоциклов – так тыкались. Корпус своими разведгруппами как бы распускал щупальца. А тут впервые батальон в полном составе наступает! Встретились с американцами на реке Энс, выпили. 8 мая поймали по танковым радиостанциям сообщение Би-

би-си о том, что немцы капитулировали. Такое было состояние! Ликование! Я остался жив! Начало войны, тяжелый 1941 год, отступление – все это промелькнуло перед глазами. Мы победили, я остался жив! Все ошалевшие! Мы сначала стреляли из ракетницы. Потом вытащили пулеметы. Стреляли с рук трассирующими пулями вверх, салютовали. Развернули пушки в сторону Альп и начали лупить из танковых пушек по лесу.

Мы с американцами пьянствуем, и вдруг из леса выходят немецкие танки. А наш батальон стоит машина к машине,

никакой маскировки. Авиации нет. Хорошо, что еще не все патроны расстреляли. Тут подходит немецкий генерал о сдаче в плен договариваться. На сердце отлегло! Мы-то сначала думали, чем стрелять, а немцы сдаются. Немцы построились, мы выделили два броневика и одного офицера, чтобы он сопровождал эту дивизию в плен, а сами вперед! У нас приказ: «На запад!» Мы смотрим – подразделения американской армии стоят по обочинам. Оказывается, их предупредили, чтобы они нам освободили шоссе. Мы так летели – мотоциклы, бронетранспортеры, автомобили и танки с одной и той же скоростью – 60–65 километров в час. А потом, когда закончилось горючее, мы встали и думаем: «Чего дальше-то делать?»

А американцы, когда нас пропускали, они смотрели на нас с изумлением: куда прутся эти русские? Там же все остановились, а мы перли. Два дня стояли без горючего, потом нам подвезли горючее, мы заправились, и нам приказали возвращаться. Мы вернулись.

– Ваши родные так и оставались на оккупированной территории?

Мама и брат. Отец нет. Он был инженером, начальником производства на заводе «Коммунар», военнообязанный, капитан. Был призван в армию в 1941 году. Воевал на Каховке. Вскоре вышел приказ о том, что всех инженеров-производственников, которые были мобилизованы, вернуть на произ-

водство, на заводы. И его демобилизовали в районе Сталинграда – отправили в Горький на завод. Он был главным механиком завода. Позже я его встретил в Австрии. Он руководил разборкой технологических линий заводов «Штейр». Все станки они нумеровали. Грузили и отправляли эшелон за эшелонами.

Мама осталась с бабушкой в оккупации, поскольку та не могла ходить. Мама ходила с тачкой, в которой была швейная машинка, по селам, шила, зарабатывала деньги. Кормила бабушку и маленького брата, ему было всего 3 года. Мой средний брат, политрук роты автоматчиков, погиб на Донбассе летом 1942 года.

– Вы говорили про ненависть к немцам. С какого времени она появилась?

Она появилась практически сразу. Мы же разведчики, мы видели, что делали немцы. В Латвии они не жгли ни деревень, ни хуторов, ни городов. Они старались привлечь население на свою сторону. А на нашей территории они жгли деревни – повсюду был пламень пожаров. Одни пепелища от деревень. А где жители? Никого нет. Вот откуда ненависть. Когда видишь мертвого солдата – это тяжело, но понятно – он воевал, защищался. Но когда лежат мирные жители, то вопрос «За что?» перерастает в ненависть. Это было внутреннее чувство – если я не убью немца, то он убьет меня. И была вроде как жажда еще убить, убить немца в бою, когда

он мишень. Мы стреляли по немцам, как по мишеням. Были случаи, когда мы их захватывали в плен. Один раз мне даже жалко стало – раненый, окровавленный, причем француз. По-человечески было его жалко, но все равно мы знали, что это враг.

Но нужно стрелять в вооруженного врага, а вот в пленного – такого никогда не было. Кроме тех случаев, когда захватывали власовцев. После войны сказали, что 10 тысяч пленных власовцев находились в лагерях в Сибири. Я удивился – кто же их оставил в живых, когда в плен брал?! Мы их не оставляли. Но они и дрались не так, как немцы. Они дрались насмерть – на танки шли с автоматами.

Но нужно сказать, что немцы – неплохие солдаты. В 1941 году редко одного-двух удавалось захватить, да и то они с усмешкой воспринимали плен – тогда они не сдавались. Только после Курской битвы стали в плен попадать, а уже в 1944 году они просто шли и поднимали лапки кверху, сдавались подразделениями.

– Приходилось расстреливать пленных?

У меня был только один случай, когда я был уже заместителем командира роты по технической части. Дело происходило в Венгрии, в районе Субботицы. Наши ушли, а я остался с танком, на котором заклинило двигатель. Начали готовиться к капитальному ремонту, вытащили аккумулятор – все сделали для того, чтобы можно было заменить двигатель.

Когда наши уходили, они мне оставили пленного обер-лейтенанта: «Когда подойдет пехота, отдай ей». Разговаривали с ним. Он показывал фотографии жены, детей. В это время просочилась группа немцев из Будапешта. Они вышли из леса и идут. Он вскочил и начал что-то кричать. Я его останавливаю, он отскочил от меня и опять что-то кричит. Мне командир танка и говорит:

– Виктор, шлепни его к чертовой матери. Что ты с ним возишься?!

– Я же не знаю, может, он кричит, чтобы они сдавались? Чего его шлепать?

– А чего он орет?

Немцы слышали и пошли на наш танк. Мы зарядили оружие осколочным. А как пушку повернуть? Аккумулятор-то вытащили! Вручную... Повернули башню, дали осколочными пару выстрелов. Немцы залегли, а потом начали отходить. Он опять начал кричать. У меня не поднималась рука его застрелить – ведь только что с ним разговаривали. Командир танка выхватил пистолет и выстрелил.

Был еще случай с власовцем с Западной Украины, у него не было нашивки РОА, он был в немецкой форме. Я его привез к пехоте. Говорю: «Ребята, заберите его». Они не стали церемониться.

Ну, а разведчик в принципе не имел права пленного убивать. Был у нас случай под Будапештом. Мы где-то 30 декабря сдали наш участок пехоте и отошли немного в тыл, при-

вести в порядок технику, принять пополнение, все такое. И вдруг меня вызывают: «Виктор, бери группу. Вот тебе два мотоцикла, и дуй на передовую. На фронте непонятно, что творится». А это же 31-е число! Утро, я хотел поехать в медсанбат к девчатам, отмечать Новый год! Думаю: «Ладно, скоро вернусь». Едем. Смотрим – наши отступают. От Комарно на Будапешт. Меня это насторожило. В чем дело? Немцы прорвались! Поток отступающих все меньше, меньше, и вдруг все – наших нет. Ехать вперед опасно. Сворачиваю с дороги в распадок. Вижу, едут мотоциклисты, а потом поток машин, танков. У меня была английская радиостанция с танка «Валентайн». Я передал: «Немцы прошли, я нахожусь там-то». Теперь думаю, как мне выходить? Только на юг, в обход Балатона, – другого выхода нет. Я дунул на юг. Свободно вышел, немцы еще не добрались до этого места. И пошел к своим. Заняли оборону. Погода нелетная, никаких данных нет. Пехота тыкалась, «языка» взять не может. Разведбату приказ: «Добыть данные».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.